

Н. Н. Богомолова

Образ войны: ашанти в представлениях англичан в 1870-е годы

Аннотация: статья посвящена исследованию текстовой и визуальной составляющих образа 6-й англо-ашантийской войны (1873–1874), репрезентированного в британской прессе — первом массовом иллюстрированном журнале «The Illustrated London News» и консервативной газете «The Morning Post». Особое внимание уделяется нарративным приемам, с помощью которых англичане осмысливали колониального Другого, его культурные и религиозные особенности.

Ключевые слова: история, образ, колониальный, Другой, африканцы, ашанти, репрезентация, дикарь, амбивалентность, восприятие.

«Более зверского правления на земле еще не существовало. Их столица — склеп, их религия — смесь жестокости и вероломства, их политика — проекция их религии».

*«The Illustrated London News»
14 марта 1874 г.*

«Они не стоят ни одной капли крови наших солдат»¹, — заявил генерал-майор г. Уолсли, руководивший военными действиями против федерации Ашанти². Развязанная в 1873 г. война была уже шестой по счету, и британцы во что бы то ни стало намерены были довести ее до победного конца³. Они рассматривали эту кампанию как «защиту чести и достоинства своей родины, оказание влияния на мир диких людей»⁴. На долю английских солдат выпала честь нести бремя крайних лишений во имя благих (с их точки зрения) целей: «Мы ждем хороших результатов от этой экспедиции.

¹ The Morning Post. 1874. 14 February.

² Это государственное образование на территории, занимаемой народом ашанти, возникло в XVII в. Прим. ред.

³ В ходе 6-й англо-ашантийской войны англичане проникли в глубь территории федерации Ашанти и заняли ее столицу (Кумаси), однако лишь после 7-й войны (1896) эти земли стали их протекторатом, а в 1901 г. вошли в состав английской колонии Золотой Берег (в 1957 г. на них и на бывшей подопечной территории Того образовано государство Гана). Прим. ред.

⁴ Ibid. 6 April.

Но если не будет иных, кроме упразднения этой жуткой системы (человеческих жертвоприношений. — Н. Б.), то и тогда можно считать, что наши люди погибли не зря»⁵.

Пафос цивилизаторской миссии прикрывал вполне конкретные цели нового политического курса Великобритании в отношении африканских земель. Лорд Карнарвон, министр по делам колоний консервативного правительства, видел начало нового этапа истории Британской империи в укреплении ее единства и процветания посредством образования конфедерации ее колоний и бурских республик. По меткому замечанию А. В. Воеводского, «в период нахождения у власти правительства Б. Дизраэли в 1874–1880 гг. Южная Африка стала своеобразным полигоном по испытанию концепции развития Британской империи, предложенной консервативным кабинетом»⁶. Сохранение в пределах английской сферы влияния независимых туземных территорий, в том числе федерации Ашанти, мешало осуществлению данного курса.

В колониальном контексте способы репрезентации африканцев по существу узаконивали экспансионистские устремления викторианцев. Перед г. Уолсли, командовавшим «сильными духом» войсками, стояла непростая задача. Кейп-Кост, «принадлежащий англичанам более 200 лет и являвшийся центром управления по-

⁵ Ibid. 5 May.

⁶ Воеводский А. В. Колониальная политика Великобритании и трансформация традиционных обществ Южной Африки в конце XVIII – начале XX века. М., 2003. С. 230.

селениями Золотого Берега, но подчинявшийся юрисдикции генерал-губернатора Сьерра-Леоне»⁷, к тому моменту представлял значительные трудности швартовки у берега; он «не имел пристаней, а море ужасно штормит с мая по август... да и подводные рифы требуют значительной сноровки»⁸. Войска англичан на первом этапе были малочисленными: 117 офицеров и 550 солдат и матросов, с помощью которых нужно было сформировать туземную армию. Уолсли это удалось плохо, поэтому войну пришлось вести малыми силами. С прибытием в декабре подкреплений силы англичан насчитывали лишь несколько полков⁹.

Климат, губительный для здоровья белого человека, являлся еще большей неприятностью для войска: «жара — 84–92 по Фаренгейту»¹⁰, густой туман, труднопроходимые леса и отсутствие дорог замедляли продвижение англичан в глубь континента и отнимали много сил. Публикации газет были полны недовольства по поводу отсутствия коммуникаций и наличия транспортной проблемы: «расстояние в этой стране трудно высчитать. Сами туземцы, не имея определения для выражения расстояний, отсчитывают путь временем, которое он занял»¹¹. Для британцев подобного рода «природные» проблемы служили подтверждением вопиющей отсталости африканцев; они постоянно сравнивали уровень привычной им комфортности и прогресса на Британских островах с дикостью Черного континента.

Они несли потери (по большей части от болезней, а не от оружия)¹². Представление об условиях пребывания англичан посреди «этого ужасного климата»¹³ дают статьи М. Приора — корреспондента «The Illustrated London News» на театре военных действий, содержащие эмоциональную характеристику увиденного. Продвигаясь от Кейп-Коста в глубь лесов к лагерю г. Уолсли, он констатировал: «Работать здесь трудно»; «Это не в Англии при свете лампы, в ти-

шине дома. Я делаю зарисовки в тропическом климате посреди хижины, которая кишит крысами, муравьями, ящерицами, огромными пчелами и другого рода отвратительными и мерзкими паразитами. Они роятся вокруг тебя, облепляют ноги и шею, летают над бумагой и садятся на карандаш, которым ты рисуешь или пишешь; или начинают жужжать над головой, лезть в глаза и уши, и, наконец, успокаиваются на шее. Солнце так нагревает палатку, что тебе кажется, будто ты оказался в турецкой бане. А около шести вечера солнце заходит и резко опускается тьма. Я совершенно не нахожу возможности делать зарисовки, пока не взойдет солнце»¹⁴.

Подобные ремарки, столь частые в его описаниях, представляют Африку «нечистым» континентом, имплицитно перенося характеристику на жителей региона, указывая на их моральную деградацию. В таких условиях они живут столетиями, без рефлексии над условиями своего жизненного пространства, а цивилизованный человек так жить не может и не должен. «Зарисовки, которые я вам отсылаю», — предупреждает М. Приор, — «постарайтесь рассматривать с воображением, ибо реальность десятикратно хуже того, как это выглядит на бумаге»¹⁵. Приор (от «The Illustrated London News»), Стенли (от «New York Herald»), Хенти (от «The Standard») не смогли бы делать зарисовки ветхих глиняных лачуг африканцев, если бы не «закрывали нос надушенным носовым платком»¹⁶.

Грязь, нечистоты, смрад; полунагие люди едят, спят, ползают по земляному полу; тут же играют их дети, ведут домашнее хозяйство женщины. М. Приор лукавил, говоря, что не смог выразить на бумаге то, что хотел: созданные им образы вкупе с текстовой информацией были направлены на закрепление в национальной памяти стереотипного набора, включающего полное отсутствие у африканцев гигиены, несоблюдение культуры тела, нищету. Дифференцирование африканского Другого строилось посредством четкой схемы противопоставления себя (своих) — им (чужим) и касалось, кроме прочего, названия Другого. Так, говоря о тех, с кем им приходилось иметь дело, британцы чаще оперируют понятиями «враг», «дикарь», нежели именем этого врага — ашанти.

⁷ The Illustrated London News. 1874. 17 January.

⁸ Ibid.

⁹ Reade W. The Story of the Ashantee Campaign. London, 1874. P. 39.

¹⁰ The Morning Post. 1874. 4 March.

¹¹ Ibid. 22 January.

¹² Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети века. Орел, 2008. С. 150.

¹³ The Morning Post. 1874. 23 February.

¹⁴ The Illustrated London News. 1874. 7 February.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ The Illustrated London News. 1874. 17 January.

Уличная сцена. Кейн-Кост. Литография. «The Illustrated London News». 10.01.1874. С. 28.

Проверка боеспособности людей сусу. Прахсу. Литография. «The Illustrated London News». 28.02.1874. С. 193.

Враждебность витала в воздухе, обстоятельства ведения войны и недостаточная численность армии играли против англичан. Как и в колониальном романе, ставшем «эффективным средством индоктринации психики рядовых викторианцев»¹⁷, газеты подавали информацию о войне, сгущая краски, наполняя статьи яркими, острыми и запоминающимися опасностями, предвкушая чувство гордости читателей за свою армию, когда, наконец, война будет окончена. Политика, приведшая к этой войне, вызывала живой интерес английской общественности. В 1874 г. посвященные войне статьи составляли самый объемный блок в разделе «Иностранные дела» («Foreign affairs») газеты «The Morning Post». «The Illustrated London News» от нее не отставали: сюжеты кампании освещались в 60 % статей первой половины того же года. Газеты муссировали события военных экспедиций, специальные корреспонденты высылали с места событий ежедневные отчеты, дневниковые записи. Все это преподносилось в картинках и в образах в соответствии со стройной, логичной концепцией привычного мирового порядка.

Война в дебрях Африканского континента, в условиях невыносимого климата, заставляла завоевателей вступать в контакт с представителями африканских племен-союзников, присматриваться к ним. Война вносила коррективы в репрезентацию образа «дикаря», обостряя оппозицию. Наиболее ярко такие установки проявились в характеристиках союзников — народов

сусу, аким и бонни. Корреспондент «The Illustrated London News» отмечал то общее, что было характерно для всех них: «...неискоренимая трусость и леность — вот свойства людей, с которыми нам приходится иметь дело»¹⁸. С его точки зрения, нерегулярные войска под командованием генерала Вуда «представляли собой наиболее интересное и забавное зрелище»¹⁹.

Туземные воины — те представители чужой культуры, о которых англичане в первую очередь могли составить представление посредством общения и наблюдения. Сусу, которых вел за собой капитан Х. П. Метью, описаны вскользь, потому как это «совершенно дикое племя из Сьерра-Леоне»²⁰. Воинам бонни и фанти внимания уделено больше. Остановимся на декодировке тех понятий, которые были в ходу у англичан в отношении африканцев и которые несут в себе этическую коннотативную нагрузку.

Так, в публикации о том, что правитель бонни прислал своего сына Чарлза Бонни, последний характеризуется следующим образом: «... молодой принц образован, имеет решительный вид»²¹. Его воинов сопровождал сын Джамбо — представитель наиболее знатного рода племени, «отец которого более богат, чем сам король»²². Оба они именуется «туземными джентльменами»²³, оба получили образование в Англии. О самом Джамбо сообщается, что он

¹⁷ Богомолов С. А. Художественная версия концепции «нового империализма» в неоромантизме Р. Л. Стивенсона // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 2. С. 26. URL: <http://www.osu.ru/doc/1026/author/501/lang/0>.

¹⁸ The Illustrated London News. 1874. 4 April.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. 7 March.

²¹ The Morning Post. 1874. 14 February.

²² Ibid.

²³ Ibid.

«слывет отличным игроком в крикет»²⁴ (думается, из-за такой благородной привычки его удостоили почетного звания «мистер»). Для британского способа восприятия представителей другой культуры типично подобное обращение, если налицо просвещенность туземцев, европейские образованность и привычки. Это относилось как к индийцам, так и к африканцам (хотя и несравненно реже). Пытаясь найти подходящий эквивалент для обозначения чувства приятия поступков их правителей, их уровня развития, англичане высказывают оценочное суждение о них — и осмысляют схожесть Своего и Чужого.

Однако они не позволяют ввести себя в заблуждение посредством этого приятного факта. Обратной стороной восприятия «туземных джентльменов» является осознание, что те «ничем не походят на английских офицеров, поставленных над ними, и должны подчиняться нам»²⁵. Глядя на изображения, иллюстрирующие проверку боееспособности и амуниции «бравого войска» бонни, викторианскому читателю трудно было не разделить это мнение. Вольные позы воинов бонни, выражение непонимания на их лицах, форма черепа с выдающейся нижней челюстью наталкивали на ассоциацию с прародителями рода человеческого (согласно уже популярной в 1870-е гг. теории Ч. Дарвина). Бонни уродливы, «немногим лучше совершенных ди-каррей»²⁶ и явно не имеют представления о том, как обращаться с выданными им винтовками. Вдобавок они «каннибалы, по крайней мере, их враги так говорят. Но их друзья допускают мысль, что они едят только сердца и ладони своих врагов»²⁷. Амбивалентность восприятия представителей другого мира, характеризующаяся одновременно и интересом, и неприятием, прослеживается и в характеристике других туземных союзников.

Фактором, повлиявшим на формирование у англичан негативных представлений о туземцах, стало дезертирство воинов фанти, «которые до смерти боятся ашанти»²⁸. М. Приор, наблюдавший за повседневной жизнью этого

Проверка боееспособности и амуниции народа бонни. Литография. «The Illustrated London News». 7.03.1874. С. 217.

Транспортировка воды людьми фанти. Литография. «The Illustrated London News». 24.01.1874. С. 76.

народа, отмечал: «...мужчины-фанти показали себя ничемными и неуклюжими солдатами... они прячутся в кусты при первой же возможности, и сотни из них наказаны плетью за проступок»²⁹; «фанти красивого шоколадного цвета и неплохо сложены»³⁰, но из-за отсутствия храбрости и боевых навыков их можно использовать лишь как запасных носильщиков в дальних маршрутах (они «несли австралийскую тушенку, рис, бисквиты, легко преодолевая расстояния в двенадцать миль в день»³¹, прорубали дорогу в зарослях, транспортировали воду).

Такие свойства личности никак нельзя отнести к солдатам Великобритании — «людям энергии и изобретательности, практической хватки, высокого боевого духа и обширных зна-

²⁴ The Morning Post. 1874. 14 February.

²⁵ Ibid.

²⁶ The Illustrated London News. 1874. 7 March.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. 14 February.

²⁹ Ibid. 17 January.

³⁰ Ibid.

³¹ The Illustrated London News. 1874. 17 January.

Переговоры с туземным королем. Литография. «The Illustrated London News». 7.03.1874. С. 220.

Станция на пути к Кумаси. Литография. «The Illustrated London News». 7.02.1874. С. 129.

ний»³². г. Уолсли писал: «Мы встречали увертки и хитрости, преодолевали предрассудки и недоверие племен, а когда представляли себе, что преуспели, — сталкивались с наиболее досадными разочарованиями»³³. Ему вторил капитан Гловер: «Имея дело с племенами востока Золотого Берега, он встречал и открытую, и скрытую враждебность к Англии. И прежде, чем начать войну против Ашанти, требовалось подчинить нелояльные племена»³⁴. Единственное, что удерживало нерегулярную армию от тотального дезертирства, была плата за военные услуги. В «The Illustrated London News» сообщалось, что командиры туземных частей получали по 10 фунтов стерлингов в месяц за каждую тысячу человек, которую они могли привести на поле боя, вожди — по 5 фунтов стерлингов в день, воины — по 3 фунта стерлингов в день по договоренности (численность туземного войска составляла примерно 11 тысяч человек)³⁵.

Последний из четырех отрядов союзников составляли «люди эль-мина» во главе с двумя вождями — Эссафи и Андоа. Эссафи произвел на англичан неизгладимое впечатление как «образцовый представитель королевского величия дикарей»³⁶. По убеждению завоевателей, непременный атрибут этого величия — «головной убор из шкуры леопарда»³⁷; тело вождя должно

«покрывать одеяние, оставляя одно его смуглое плечо непокрытым»³⁸. Восседая под «огромным хлопковым деревом», в руке он должен «крепко сжимать меч, которым люди его положения обезглавливают своих противников. Эфес — непременно из золота, и богато украшен»³⁹. Вот из такого калейдоскопа племен англичанам нужно было сделать боеспособную армию, способную противостоять воинственному союзу ашанти.

Война в тяжелых условиях и с ненадежными союзниками на территории противника велась с опорой на миссионерские станции-деревушки, служившие «одним из основных средств контроля над неевропейским населением региона в мирное время»⁴⁰. Переброска техники и людей до ключевых точек, где базировалось английское войско, происходила ежедневными переходами от станции к станции (Inquabim, Accroful, Dunquah, Yacomassie-Fantee, Mansu, Sutah, Prah-su)⁴¹. Порой «дорога была такой узкой тропинкой, что разросшийся кустарник не дает видеть дорогу. Он достигает в высоту десять-двенадцать футов»⁴².

Стратегический замысел состоял в продвижении в глубь территории ашанти и взятии столицы, если их правитель (ашантихене) не перестанет «упрямиться». Для этого следовало перейти реку Праксу, что 20 января 1874 г. и сделали войска г. Уолсли. Ашанти называли реку

³² The Illustrated London News. 1874. 17 January.

³³ The Morning Post. 1874. 6 April.

³⁴ Ibid.

³⁵ The Illustrated London News. 1874. 31 January.

³⁶ The Morning Post. 1874. 14 February.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ The Morning Post. 1874. 14 February.

⁴⁰ Воеводский А. В. Колониальная политика Великобритании... С. 176.

⁴¹ The Illustrated London News. 1874. 28 February.

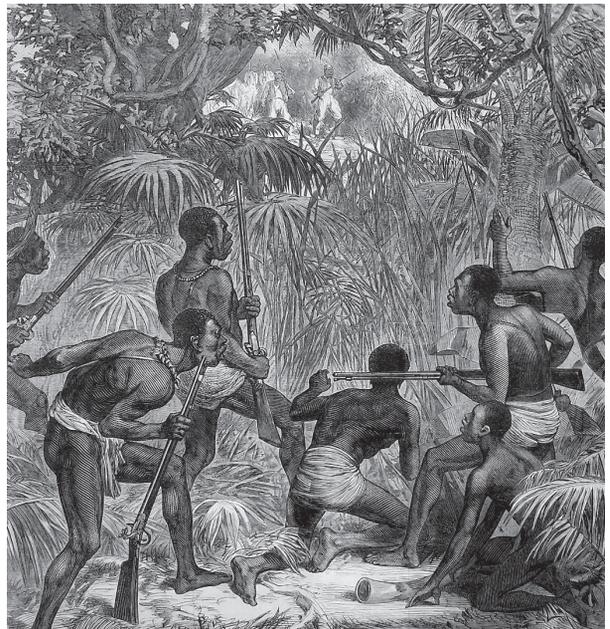
⁴² Ibid. 7 February.

священной и до последнего рассчитывали, что «бог реки никогда не позволит англичанам перейти ее»⁴³. На «совете» в Кумаси их правитель Коффи Калькатти заявил: «С древних времен не случилось, чтоб белые воины перешли реку»⁴⁴. Ему не поверил лишь один («самый проникательный») участник собрания («грядет новое время и, возможно, белый человек воспользуется шансом»⁴⁵). Согласно публикациям в британской прессе, деморализовав ашанти, форсирование реки стало поворотным моментом в войне. Англичане не были намерены оглядываться на суеверия варваров (как заметил Б. Фрер, верховный комиссар Южной Африки в 1876–1881 гг., «у африканцев нет и не может быть религии: их верования не что иное, как детское отсутствие всякой веры, более или менее явный материализм»⁴⁶). За частями г. Уолсли по узкому мосту на рамных опорах последовал «второй батальон стрелковой части под командованием лейтенант-полковника Варрена — вопреки ожиданиям ашанти и без оглядки на какие-то сверхъестественные препятствия»⁴⁷. 600 солдат и офицеров и 200–300 носильщиков растянулись на большое расстояние⁴⁸, что усиливало риск вражеской атаки.

Гораздо больше суеверных табу «храбрая и мобильная армия» белых опасалась леса, в который они вступили: «Насколько глаз хватало, раскинулся лес, лежащий в тумане-простыне, из которой вершины деревьев выступали как группы островков»⁴⁹. Лес служил хорошим укрытием для ашанти: они прятались в густом кустарнике и неизменно атаковали с флангов; их проворные, невидимые в «гуще подлеска» черные тела трудно было заметить. г. Уолсли досадовал, что «определить численность врага затруднительно в густом кустарнике, и так же трудно определить их потери, но ашанти, должно быть, насчитывают много тысяч»⁵⁰. Чтобы «предотвратить неожиданные сюрпризы»⁵¹, англичане (хотя им

Форсирование Праксу. Литография. «The Illustrated London News». 21.02.1874. С. 162.

Воины-ашанти. Литография. «The Illustrated London News». 3.01.1874. С. 1.

«бояться и не пристало») пускали перед своими отрядами туземных разведчиков из числа тех, кто еще не успел убежать.

На пути отступавших «кроважанных дикарей» к столице лежали холмы Аданси (важная стратегическая высота, которую следовало занять), а перед ними — болото. Посланный вперед отряд лорда Гилфорда с 50 скаутами, отобранными из лучших воинов сусу и бонни, осуществил рекогносцировку. Происходившее на холмах в очередной раз убедило англичан, что приобщить к прогрессу инфантильных, неразвитых африканцев вряд ли возможно, преодо-

⁴³ The Morning Post. 1874. 24 February.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Chalmers J. A. Tijo Soda: a page of South African Mission World. Edinburg. 1878. P. 91.

⁴⁷ The Morning Post. 1874. 23 February.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ The Morning Post. 1874. 23 February.

⁵⁰ The Morning Post. 1874. 7 March.

⁵¹ The Illustrated London News. 1874. 3 January.

Лорд Гилфорд и разведчики на холмах Аданси, встреченные колдуном-ашанти. Литография. «The Illustrated London News». 28.02.1874. С. 195.

леть различия с европейцами им не удастся. «Карабкаясь сквозь заросли, отряд лорда Гилфорда встретил колдуна ашанти, посланного предупредить их, что двигаться дальше нельзя <...> Колдун в сопровождении еще шести человек сделал странные жесты и издал странные звуки и сказал, что армия ашанти насчитывает тысячи на вершине холма, и они убьют каждого, кто осмелится подняться»⁵². Обязательное для британской прессы противопоставление крайностей присутствует и в этом эпизоде. Своих солдат она характеризовала как доблестных и невозмутимых: «Ни лорд Гилфорд, ни его люди не были запуганы этой совершенно абсурдной манерой колдуна»⁵³. О сусу и бонни сообщалось, что в отличие от европейцев они признавали «колдунов» носителями оккультного знания и были уверены, что сильнее «колдуны» из других племен⁵⁴. В туземцах англичане видели лишь то, что могли увидеть: «Они слишком дикие <...> просто скатились вниз с холма как гончие, сорвавшиеся с поводка, вопя и размахивая своими мечами и оружием»⁵⁵. «Цивилизованная» часть отряда без страха добралась до вершины холма и увидела «только 5 человек, убежавших оттуда, и идола, торчавшего из земли, словно пугало на палке, обмотанной тряпками и обложенной травой»⁵⁶. Чувство собственного превосходства и победы

⁵² The Illustrated London News. 1874. 28 February.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Воеводский А. В. Колониальная политика Великобритании... С. 141.

⁵⁵ The Illustrated London News. 1874. 28 February.

⁵⁶ The Illustrated London News. 1874. 28 February.

над страхом точно выражено в насмешливой реплике М. Приора: «Это и была зловещая стража королевства ашанти»⁵⁷.

В публикациях об этом и многих других эпизодах ярко представлено дифференцирование образа африканского Другого, тесно связанное с осознанием британцами собственной идентичности через противопоставление викторианских ценностей мужества и исполнения долга перед империей — трусости и подлости отсталых и примитивных народов Западной Африки. В колониальном контексте Другой воспринимался как Чужой, ему приписывались отрицательные черты с целью установления и поддержания неравных отношений (отношений власти и подчинения) между автором текста (властный субъект) и африканцами (колонизуемый объект описания)⁵⁸. Для иерархичной картины мира британцев 1870-х гг. закономерны оценка африканской культуры в соответствии с западными стандартами и противопоставление «цивилизованного» человека «нецивилизованному».

Согласно такому взгляду союзники-дикари оказываются предательски трусливыми, а правитель их врагов-ашанти — предательски вероломным. После сражений у Фуманых (последней опорной базы перед Кумаси) и у Амоафула тот просил у г. Уолсли мира, «обещая заплатить военные расходы, если британские войска не пойдут на Кумаси»⁵⁹, и рассмотреть мирные условия. Генерал проявил готовность приостановить наступление при условии, что «король» пришлет в заложники мать и брата⁶⁰, однако ответа не дождался. В отчетах Уолсли писал: «... самые искренние обещания монарха ашанти стоят мало. Я рад, что мы не поддались на его уловки... Предательский план короля включал намерение тянуть время для сбора армии и заманить нас в убийственную ловушку»⁶¹; «... план этот вынашивался королем долгое время и был тщательно подготовлен. Его воины производили серии партизанских набегов на линии наших коммуникаций»⁶². По этим причинам генерал решил подписать «мирный договор только в самом

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Афанасьева А. Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций. Ярославль, 2004. С. 184.

⁵⁹ The Morning Post. 1874. 18 February.

⁶⁰ The Illustrated London News. 1874. 14 March.

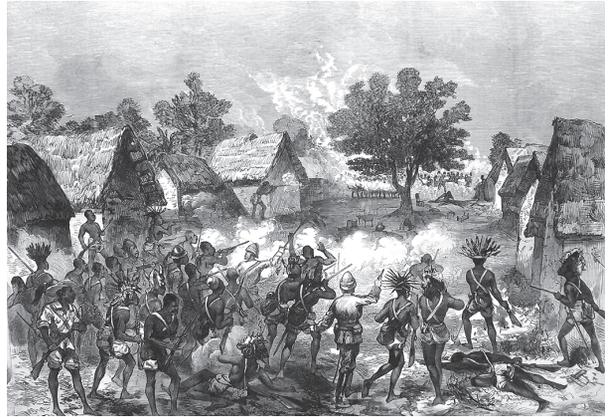
⁶¹ The Morning Post. 1874. 6 March.

⁶² Ibid. 14 February.

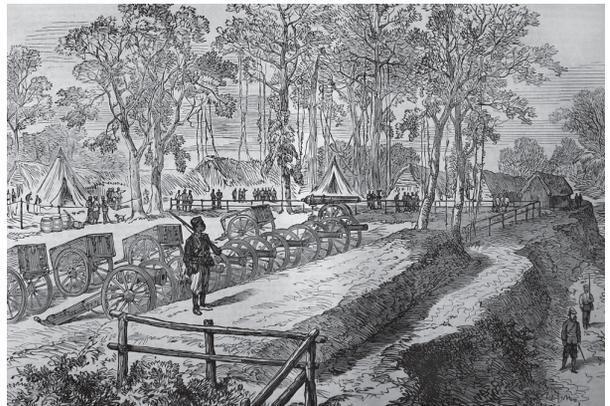
Кумаси» и «закончить наказание путем сожжения столицы»⁶³. По публикациям в прессе видно: как предательство завоеватели рассматривали сопротивление ашанти, которое было «упорным и привело к большим потерям»⁶⁴. В них констатировалось: попытки цивилизовать местное население вызывали сопротивление «дикарей»⁶⁵.

Очевидцы (британские корреспонденты) расценивали боевые качества воинов-ашанти как исключительные (по сравнению с другими туземцами). Их тактика в бою «... всегда одинакова и состоит в обманном маневре: затянуть врага в бой на передовой линии, а тем временем ударить по одному или сразу двум флангам из-за густого кустарника»⁶⁶. После форсирования англичанами реки Праксу и сражения у Амоафула «враг воевал с меньшей отвагой». Корреспонденты отмечали решающую роль артиллерии: «после продолжительной артиллерийской атаки врага охватывала паника и он бежал»⁶⁷; ашантийских послов артиллерийский залп «настолько ужаснул, что один сошел с ума и застрелился ночью»⁶⁸. Они писали о явном перевесе своих соотечественников в огнестрельном оружии («оружие ашанти – неуклюжие кремневые мушкеты, заряженные пулями, а иногда галькой; раны, наносимые этим оружием, не всегда смертельны»⁶⁹), о «колоссальном впечатлении»⁷⁰, которое производили новейшие образцы винтовок («один выстрел убивает пятерых»⁷¹).

Белые поддерживали у ашанти чувство страха, демонстрируя мощь огнестрельного оружия, нарушая их религиозные запреты и традиции. Стремительный поход на Кумаси имел целью произвести «глубокий... моральный эффект» и «окончательно и полно разрешить вопрос»⁷². Перекрыв все пути к столице, британские войска деморализовали ашанти («им нечего есть, кроме бананов и лесных кореньев», они «больше не хо-

Сражение отряда лорда Гилфорда у деревушки на пути к Кумаси. Литография. «The Illustrated London News». 14.03.1874. С. 240.

Английская артиллерия у Праксу. Литография. «The Illustrated London News». 28.02.1874. С. 193.

Посланник ашанти, пересекающий реку Праксу. Литография. «The Illustrated London News». 21.02.1874. С. 163.

⁶³ The Morning Post. 1874. 10 March.

⁶⁴ Ibid. 6 March.

⁶⁵ Ibid. 14 February.

⁶⁶ The Illustrated London News. 1874. 21 March.

⁶⁷ Ibid. 14 March.

⁶⁸ The Illustrated London News. 1874. 14 February.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. 4 May.

⁷¹ The Morning Post. 1874. 24 February.

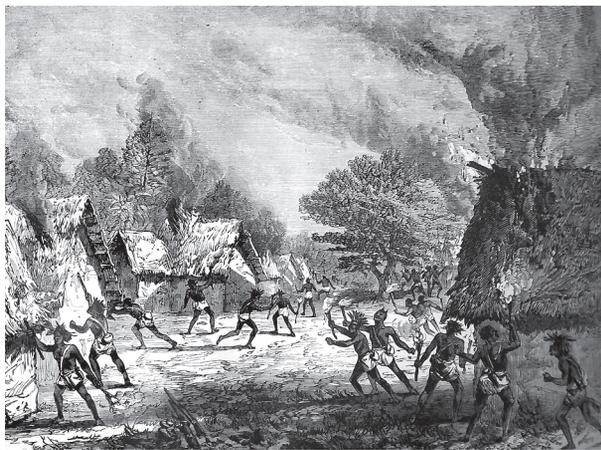
⁷² The Morning Post. 1874. 6 April.

тят встречи лицом к лицу с англичанами»⁷³) и после пятидневных боев 4 февраля 1874 г. как победители вступили в Кумаси. Об «ужасном короле»

⁷³ The Morning Post. 1874. 24 February.

Морская бригада расчищает улицы Кумаси. Литография. «The Illustrated London News». 21.03.1874. С. 264.

Скауты лорда Гилфорда поджигают деревню. Литография. «The Illustrated London News». 14.03.1874. С. 248.

пресса писала, что он сбежал «в неизвестном направлении»⁷⁴ и продолжает вести «политику обмана и вероломства».

Сам по себе облик главного города «кроважидных дикарей» не попал в фокус внимания англичан — гораздо более интересно было описать его сожжение. Очистив улицы от испуганных жителей, «инженерные части бросали длинные и большие факелы на крыши лачуг, покрытых

⁷⁴ The Illustrated London News. 1874. 14 March.

пальмовыми листьями, и весь город превратился в огромный костер»⁷⁵. Захват столицы — кульминация процесса наказания ашанти. Понятие «наказание», столь часто употребляемое на страницах газет по отношению к ашанти, неизбежно возвращает нас к расхожему стереотипу восприятия африканцев как людей с детским уровнем интеллекта. Дававшиеся в них характеристики культуры, политического развития Западной Африки отводили ей в западной модели иерархии мировых цивилизаций нижнюю ступень. Этот стереотип, «питаясь из резервуара коллективных представлений» об Африке, уходил корнями в традиции национальной культуры завоевателей⁷⁶, становясь архетипом, для которого предусмотрена собственная символика.

Для англичан, проводивших четкую грань между религиозной и политической деятельностью, анализ поведения ашанти представлял особые трудности. Как и в восприятии любой колониальной культуры, представители западной системы ценностей исключали из африканской культуры все то, что не охватывалось их собственной культурой; они проводили границу между собой (своими) и африканцами (чужими). Они были наслышаны о «великом древешетисе» в самом «центре Кумаси, росшем с незапамятных времен»⁷⁷, о легенде, согласно которой «сколько будет стоять дерево, столько простоит и королевство Ашанти»⁷⁸. Однако уважение к традициям дикарей не входило в их планы. Так как под деревом приносились человеческие жертвы, генерал г. Уолсли приказал его срубить «в тот же день, когда мы достигли столицы»⁷⁹. По свидетельству М. Приора, праведный гнев командующего войсками был направлен на то, «чтобы показать королю и всем тем вождям, что помогают ему, что военная сила Ее Величества могущественна и наказывает своих врагов даже в самом сердце их территории»⁸⁰. Действия англичан имели мощный психологический эффект: боевой дух врага был сломлен. Их

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Дронова Н. В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е гг. XIX века // Новая и новейшая история: межвузовский сборник. Вып. 21. Саратов, 2004. С. 152.

⁷⁷ The Morning Post. 1874. 23 February.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ The Morning Post. 1874. 18 February.

⁸⁰ The Illustrated London News. 1874. 14 March.

правитель молил о мире, слал послов и золото. Войска возвращались в Кейп-Кост, унося с собой главный военный трофей — его зонтик.

Для англичанина закрыть вопрос, навесив бирку «варварство», означало отказаться от возможности понять чужой вариант распределения пространства в мире⁸¹. В данном контексте интересно обратиться к анализу восприятия тела (как нагого, так и мертвого) представителями африканской культуры как к наиболее яркому способу осознания инаковости двух культур. В викторианской Англии нагота была позорна: она в равной мере способна была опозорить как оголившегося, так и того, кому демонстрировались оголенные части тела. Поэтому при взгляде на изображения почти полностью нагих африканцев у англичанина возникали одновременно чувства отторжения и любопытства. Мужчины-ашанти, туземные союзники представляли перед английскими солдатами «совершенно голыми, за исключением куска материи на бедрах»⁸². Чувство неприятия заставляло англичан уподоблять нагих дикарей животным. О Джамбо и Чарлзе Бонни сообщалось, что «они проворны и быстры», «имеют отличные физические данные, как небольшие бычки, и кажутся очень выносливыми»⁸³. У женщин-фанты отмечалось их уродство, а также то, что они «стирают на улицах, рядом с овцами, собаками и курицами»⁸⁴. Однако М. Приор провел несколько часов на «ужасной жаре», чтобы внимательно рассмотреть их и перенести их образы на бумагу.

В «Топографии Чужого»⁸⁵ Б. Вальденфельс делает важный акцент на том, что возможно не только испытывать интерес, но и приходиться в ужас от присутствия Чужого (т. е. на амбивалентности восприятия). Британские корреспонденты описывали «невероятную жестокость» африканцев⁸⁶, их удивляло отношение последних к мертвым телам. Приведем типичное высказывание: «Все в этой стране кричит о пренебрежении

Место жертвоприношений ашанти близ Кумаси. Литография. «The Illustrated London News». 25.04.1874. С. 389.

к смерти и об ужасном варварском неуважении к обрядам захоронения»⁸⁷. Англичан ужасала перспектива ночевки в домах фанты, которые хоронили покойников в их же домах («... становясь на отдых, мы не могли избежать столкновения с могилами — свежими и не очень»⁸⁸).

Апогея ужас англичан достигал при известиях о человеческих жертвоприношениях. Так, г. Уолсли недалеко от Кумаси в джунглях «видел долину, полную человеческих останков... Их много тысяч и мы никогда не видели ничего более жуткого»⁸⁹. По свидетельству военного врача, расквартированного в доме палача, тот говорил ему, что они убивают каждый день, кроме пятниц и суббот, «иногда 5, иногда 10, а то и 20 жертв»⁹⁰. Кюхлер, бывший пленником правителя ашанти в течение 4,5 лет, поведал корреспонденту «The Morning Post»: «... каждый день в Кумаси 10 человек приносят в жертву, чтоб задобрить богов и спасти город»⁹¹; «сам король — гуманный человек, но он обязан следовать кровавым традициям своего народа и религии»⁹², он «может убить любого по своему желанию... в один день было убито 100 жертв. В такие дни исполняют религиозный танец на костях и черепках людей»⁹³.

Англичан возмущали и ритуалы умерщвления, практиковавшиеся ашанти (тем более

⁸¹ Довгополова О. А. Проблема амбивалентности Чужого в методологической перспективе // Вестник Одесского национального университета. Т. 12. Вып. 15. Философия. 2007. С. 33.

⁸² The Illustrated London News. 1874. 3 January.

⁸³ The Morning Post. 1874. 14 February.

⁸⁴ The Illustrated London News. 1874. 17 January.

⁸⁵ См.: Федорова М. М. Образ смерти в западноевропейской культуре // Человек. 1991. № 5.

⁸⁶ The Morning Post. 1874. 24 February.

⁸⁷ Ibid. 23 February.

⁸⁸ Ibid. 24 February.

⁸⁹ Ibid. 5 May.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid. 23 February.

⁹² Ibid. 4 February.

⁹³ Ibid. 24 February.

что в Западной Европе к 1850-м гг. смерть становится чем-то постыдным, запрещенной темой). Эмоциональный шок вызывал у англичан реакцию отторжения, а ритуальные традиции собственного мира, требующие обязательного освящения смерти Церковью, заставляли их предавать земле тела своих врагов. Как «жуткие предметы» трактовались находки, подобные сделанной в городе Фуманах (округ Аданси). Там войска «проходили мимо большой ямы, заполненной черепами и костями. А военно-морской отряд, шедший впереди нас на один день, нашел скелет, надетый на кол, торчавший вдоль дороги»⁹⁴. В соответствии со своими убеждениями англичане сняли скелет с кола и захоронили. Периодически газеты упоминали о таких фактах: войска «захоронили около 150 трупов, оставшихся на главной дороге Амоафул, так как враг подверг бы себя опасности, если бы уносил трупы с собой»⁹⁵.

Пресса в простой и доступной форме доносила эту информацию до читателей, определенным образом влияя на восприятие чужой культуры: на уже укоренившийся в национальной памяти образ дикаря накладывался еще один темный штрих, убеждая англичан в истинности собственных убеждений. Имея дело с африканскими племенами, англичане соприкасались с миром «начала времен». Детерминанту содержательной стороны стереотипного восприятия составлял социальный фактор — война; в условиях боевых действий места для романтизации Африки не оставалось. Негативное отношение ко всему тому, что сопровождало «маленькие колониальные войны» («дикари», «жуткий климат», «невыносимая жара», болезни, отсутствие дорог), — это и есть те самые «чрезвычайные обстоятельства, требующие напряжения всех сил,

энергичных, самостоятельных решений и действий» английских солдат⁹⁶. Для них трудность заключалась не в том, чтобы победить «кровавых дикарей», а в том, чтобы выжить в тяжелых условиях ради выполнения моральных обязательств имперской миссии.

Подобные образы африканского Другого были не новы для британского общества (в период царствования королевы Виктории «маленькие колониальные войны» велись непрерывно), поэтому проанализированная нами его репрезентация в прессе являлась повторением (разве что к этому добавились визуальные образы, направленные на эмоциональное усвоение обществом и конкретизирующие образы вербальные). Знакомый образ дикарства, цивилизационной отсталости — и на его фоне тоже знакомый, полный благородства образ Своего: «наши честные намерения» восстановят мир «на территории Золотого берега, который больше не будет потревожен воинственными амбициями беспокойных вождей»⁹⁷; если Британия, неся военные потери из-за «глупого упорства» и коварства «дикарей», бубонной чумы и лихорадки остановит свою «миссию», она поставит под угрозу жизни сотен белых поселенцев-соотечественников, оставит их в «страхе и отчаянии», а это недопустимо.

Такое повторение стереотипного набора — не просто повторение. Оно содержит призыв к праведному национальному гневу. Политическая доктрина «нового империализма» позволила кабинету министров Великобритании разыграть патриотическую карту (путем навязывания негативных стереотипов Другого) и санкционировать захват африканских земель для установления британского владычества⁹⁸.

⁹⁴ The Morning Post. 1874. 23 February.

⁹⁵ Ibid. 7 March.

⁹⁶ Богомолов С. А. Художественная версия концепции... С. 26.

⁹⁷ The Illustrated London News. 1874. 14 March.

⁹⁸ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 235.

Список литературы:

1. Ариес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с франц. М., 1992.
2. Богомолов С. А. Художественная версия концепции «нового империализма» в неоромантизме Р. Л. Стивенсона // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 2. С. 26–29. URL: <http://www.osu.ru/doc/1026/author/501/lang/0>.
3. Воеводский А. В. Колониальная политика Великобритании и трансформация традиционных обществ Южной Африки в конце XVIII – начале XX века. М., 2003.
4. Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети века. Орел, 2008.

Исторические источники и артефакты

5. Довгополова О. А. Проблема амбивалентности Чужого в методологической перспективе // Вестник Одесского национального университета. Т. 12. Вып. 15. Философия. 2007. С. 28–36.
6. Дронова Н. В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е гг. XIX века // Новая и новейшая история: межвузовский сборник. Вып. 21. Саратов, 2004. С. 151–169.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.
8. Федорова М. М. Образ смерти в западноевропейской культуре // Человек, 1991. № 5.
9. Chalmers J. A. Tijo Soda: a page of South African Mission World. Edinburg. 1878.
10. Reade W. The Story of the Ashantee Campaign. London, 1874.

References (transliteration):

1. Aries E. Chelovek pered litsom smerti / Per. s fr. M., 1992.
2. Bogomolov S. A. Khudozhestvennaya versiya kontseptsii «novogo imperializma» v neoromantizme R. L. Stivensona // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 2. S. 26–29. URL: <http://www.osu.ru/doc/1026/author/501/lang/0>.
3. Voevodskiy A. V. Kolonial'naya politika Velikobritanii i transformatsiya traditsionnykh obshchestv Yuzhnoy Afriki v kontse XVIII – nachale XX veka. M., 2003.
4. Gella T. N. U. Gladston, liberaly i Britanskaya imperiya v posledney treti veka. Orel, 2008.
5. Dovgopolova O. A Problema ambivalentnosti Chuzhogo v metodologicheskoy perspektive // Vestnik Odesskogo natsional'nogo universiteta. T. 12. Vyp. 15. Filosofiya. 2007. S. 28–36.
6. Dronova N. V. Traditsii imperskogo myshleniya i novatsii imperskoy propagandy v Velikobritanii v 70-e gg. XIX veka // Novaya i noveyshaya istoriya: mezhvuzovskiy sbornik. Vyp. 21. 2004. Saratov, S. 151–169.
7. Stefanenko T. G. Etnopsikhologiya. M., 1999.
8. Fedorova M. M. Obraz smerti v zapadnoevropeyskoy kul'ture // Chelovek, 1991. № 5.
9. Chalmers J. A. Tijo Soda: a page of South African Mission World. Edinburg. 1878.
10. Reade W. The Story of the Ashantee Campaign. London. 1874.